

Тевтонский Орден в битве при Грюнвальде

Вольфганг Акунов

"ГРЮНВАЛЬД" - МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ-

Небезызвестному советскому историку 20-х-30х гг. XX в. Михаилу Покровскому принадлежит крылатое изречение: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». В определенном смысле это действительно так.

Наглядным примером служит хотя бы безмерно мифологизированная (если не сказать - фальсифицированная!) из «патриотических» (то есть националистических) соображений поколениями позднейших – прежде всего, польских - историков, а пуще того – исторических романистов (на фоне которых выделяется, в первую очередь, нобелевский лауреат Генрик Сенкевич, со всей силой, бесспорно, присущего ему незаурядного литературного таланта, средствами готического «романа ужасов» заклеившего орденских рыцарей как законченных садистов, преисполненных сатанинской гордыни и ненависти к пруссам, литвинам и полякам и при первой же возможности подвергающих их изощреннейшим пыткам) – летопись борьбы военно-монашеского Тевтонского (Немецкого) Ордена с Польшей и Литвой, в особенности же ее кульминации - решающей битвы, разыгравшейся 15 июля 1410 года на равнине между селениями Грюнфельде и Танненберг.

Мифы начинаются с названия места битвы. Поляки упорно именуют его «Грунвальд». По-русски это слово звучит как «Грюнвальд», что буквально означает по-немецки «Зеленый лес» (по-литовски – «Жальгирис»). Между тем, никакого «Грюнвальда» ни в означенной местности, ни поблизости, ни на сто верст вокруг нет и никогда не было, хотя одно из расположенных поблизости селение именовалось Грюнфельде, то есть буквально «Зеленое поле» (а никак не «лес»!), а другое – Танненберг (буквально – «Еловая гора»). Поэтому орденские и позднейшие немецкие историки (впрочем, не только немецкие, но и, к примеру, советский военный историк полковник Разин во второй части своей «Истории военного искусства» издания 1940 года) именуют интересующее нас сражение не «битвой под Грюнвальдом», а «битвой под Танненбергом», что, в свете вышеизложенного, представляется вполне логичным.

Рыцари Тевтонского Ордена в битве с татарами при Лигнице в Силезии (1241 г.)

Второй миф касается численности вооруженных сил противоборствующих сторон, сошедшихся в смертельной схватке на кровавом Танненбергском поле. Средневековые хронисты в подобных случаях часто грешат преувеличениями. Так, французский хронист Монстреле (завершивший известную хронику Фруассара), утверждал, что под Танненбергом войско короля Польши составляло 600 000 (!) человек, что в битве пало более 60 000 (!) воинов с обеих сторон и т.п.; в немецкой «Любекской хронике» войско противников Ордена исчисляется аж в... 5 000 000 (!) конных и пеших воинов, и т.д. Но и маститые советские историки еще сравнительно недавно всерьез утверждали, что силы Тевтонского Ордена под «Грюнвальдом» составляли, якобы, более 40 000, а силы «славянской» антиорденской коалиции – до 90 000 конных и пеших бойцов! Между тем, совершенно ясно, что таким громадным полчищам на поле битвы под Танненбергом было бы негде развернуться, да и набрать их у противоборствующих сторон не было никакой возможности.

Ныне считается доказанным, что войско Тевтонского Ордена и его союзников насчитывало около 12 000, а войско антиорденской коалиции – до 20 000 воинов.

Третий миф заключается в утверждении, что война 1410-1411 гг. была «борьбой славян с агрессией немецких феодалов».

В этой связи прежде всего следует заметить, что главным объектом борьбы являлась не какая-то населенная славянами земля, а Самогития – обширная и совершенно неосвоенная территория

(именовавшаяся по-литовски «Жемайте», а по-польски «Жмудь»), дарованная Тевтонскому Ордену Великим Князем («королем») Литовским Миндовгом (Миндаугасом) и населенная совершенно дикими языческими племенами, о которых современные им хронисты пишут, совсем как о гуннах и прочих варварах, как о «низкорослом народце, одетом в звериные шкуры, на маленьких, крепких мохнатых лошадаках», сообщая еще немало «трогательных» подробностей в том же роде.

Судя по сообщениям летописцев, жмудины-самогиты жили в основном грабежами поляков (славян) и своих же, несколько более цивилизованных (и, во всяком случае, официально считавшихся окрещенными) ближайших родичей-литовцев, при каждом набеге «ополняясь челядью» (то есть, захватывая пленных и обращая их в рабов) и находя особое удовольствие в том, чтобы приносить пленных христиан в жертву своим поганским идолам (обычно жмудины «жрали» своим «божествам», поджаривая пленников на медленном огне или подвешивая их за ноги к ветвям «священного» дуба).

В данном случае слово «поганский», или «поганый», является отнюдь не оскорбительным эпитетом, а всего лишь заимствованным из латинского языка термином, которым обозначалось всякое языческое население (преимущественно сельское), начиная с первых веков распространения христианства. Слово «пагус» означает по-латыни «сельский округ», отсюда «паганус» - «сельский житель», «поселянин» (исторически христианство распространилось, прежде всего, среди более культурного городского населения, в то время, как менее развитые в умственном и других отношениях селяне еще долго «пням молились»). А от слова «паганус» происходят и русские «поганец», «поганый», «поганский» и «погань».

Впрочем, гораздо более важным, в свете мифа о «борьбе славян с немецкой агрессией» представляется даже не то, что жмудины были «погаными», а то, что они, подобно всем своим сородичам – голяди, пруссам, деремеле и ятвягам – вовсе не были славянами, а принадлежали к числу народностей балтийской языковой семьи. Не были славянами и ближайшие родственники жмудинов (жемайтов) – литовцы (летувисы). Правда, в состав тогдашнего Великого княжества Литовского входило и немало бывших земель Киевской Руси, захваченных, после татарского погрома XIII в., литовскими князьями и населенных, вне всякого сомнения, славянами. Но как раз этим-то населенным славянами землям никакая агрессия со стороны Тевтонского Ордена («по самые уши» увязшего в Самогитии и с величайшим трудом удерживавшего под своим контролем беспокойную литовскую границу), а тем паче - со стороны «немецких феодалов» никогда не угрожала (как говорится, «где именье – где вода»!). Так что одним мифом меньше!

Что же касается национального состава войска, приведенного под Танненберг польским королем Владиславом Ягелло (наскоро обращенным в католическую веру незадолго перед тем литовским князем Ягайлой, крещенным в детстве в Православие под именем Якова своей матерью княжной смоленской Улианией, но являвшимся – подобно своему отцу Ольгерду, трижды подступавшему к Москве и «преломлявшему копьё» о московские врата! - смертельным врагом Московской Руси, «чуть-чуть» запоздавшим прийти на помощь орде Мамаю на Куликовом поле в 1380 году!) и его «заклятым другом» и кузеном - Великим князем Литовским Витовтом (у которого братец Ягайло укокошил родного батюшку Кейстута, так что сам Витовт с величайшим трудом сумел вырваться из «братского» плена и сбегать под защиту Тевтонского Ордена, переодевшись в женское платье!), то это якобы «славянское» войско в действительности состояло из представителей чертовой дюжины разных народностей – литовцев, жмудинов, армян, караимов, валахов, татар, молдаван-бессарабов, венгров, кашубов и многих других – хотя были, конечно, в его составе и славяне – поляки, воины из западнорусских земель (нынешней Смоленщины, Белоруссии и Украины) и отряды моравских, силезских и чешских наемников (в числе последних - будущий гуситский полководец Ян Жижка из Трокнова – бесноватый вождь еретиков-таборитов, подобно африканскому колдуну, велевший после смерти содрать с себя кожу на барабан, под грохот которого табориты шли в бой против воинов Креста).

Армянские наемники (как пехотинцы, так и конники) в описываемую пору ценились весьма высоко – недаром ордынское войско того же темника Мамаю в битве на Куликовом поле в 1380 году включало в свой состав «арменские» наемные отряды!.

Караимов (иудеев тюркского происхождения, признававших Тору, но отрицавших Талмуд) князь Витовт привел из своего крымского похода и поселил в Тракае (Троках); с тех пор караимы составляли нечто вроде лейб-гвардии литовского Великого князя.

Татарская конница Витовта (3000 сабель) под предводительством хана Джелал-эд-Дина представляла собой внушительную военную силу, а отнюдь не «вспомогательные части», как утверждали иные советские историки, позволявшие себе пренебрежительно говорить о «малонадежной татарской коннице» (и это в начале XV века, всего пару лет после сокрушительного разгрома гигантской армии Витовта – в которую, между прочим, входил и контингент войск Тевтонского Ордена! – этими же самыми «малонадежными татарскими конниками» в битве на Ворскле в 1399 году)! Вообще же у тевтонских рыцарей с татарами были давние счеты. Их взаимная вражда уходила своими корнями в далекий 1241 год, когда в битве при Лигнице в Силезии с туменами татаро-монгольского хана Кайду погиб цвет польского, немецкого, тамплиерского, иоаннитского и тевтонского рыцарства (см. рис. в начале данной миниатюры).

Впрочем, национальный состав армии «немецких агрессоров» на поверку оказывается еще более пестрым. Верховный магистр (Гохмейстер) Тевтонского Ордена брат Ульрих фон Юнгинген (которого у нас также по непонятным причинам почему-то именуют «Великим магистром») привел под Танненберг представителей 22 народностей.

Сразу оговоримся – были среди них, конечно, и немцы. Но «немцы» в средневековом понимании этого слова, то есть члены Ордена и их союзники из числа подданных «Священной Римской Империи германской нации» (не являвшейся, по выражению Карла Маркса, ни «священной», ни «римской», ни «германской», ни даже «империей» - естественно, с нынешней точки зрения!), в том числе фризы, голландцы, фламандцы, валлоны, бургундцы, люксембургцы, швейцарцы, австрийцы, и опять-таки - чехи, силезцы, моравяне.

Эти «братья-славяне» сражались под Танненбергом с обеих сторон - то есть, друг против друга. Хотя, конечно, с «современной патриотической» точки зрения, всем им надлежало бы сражаться на стороне «немецких агрессоров». Ибо Чехия (Богемия) издавна входила в состав тогдашней «Германии» («Священной Римской Империи германской нации»), а чешский король Вацлав (Венцель, Венцеслаус, Венцеслас или Венцельрин) даже являлся Императором этой самой «Германии» (правда, он был из рода герцогов Люксембургских, но все-таки!). В армии Тевтонского Ордена имелась целая «хоругвь Святого Георгия», состоявшая из чужеземных рыцарей (сопровождавшихся, естественно, соответствующим количеством оруженосцев, воинов, конных и пеших слуг), как встарь, прибывших на зов Верховного магистра, в качестве добровольцев-«пилигримов» со всех концов Европы.

До конца XIV в. именно эти добровольческие контингенты крестоносцев, а не «орденские братья», составляли основную массу и ударную силу, с помощью которой осуществлялась христианизация Пруссии и Литвы. Братья-рыцари Тевтонского Ордена были слишком малочисленны, чтобы проводить эту работу собственными силами. Достаточно сказать, что даже в решившей во многом судьбу Ордена битве под Танненбергом число самих тевтонских братьев-рыцарей (единственных в орденском войске, имевших право носить белый плащ с черным крестом) не превышало 250 (из них 203 пали в бою)!

После широко разрекламированного в 1389 году на всю Европу крещения Литвы (до подлинной христианизации которой было еще очень далеко!) число добровольцев, желающих участвовать в вооруженных паломничествах («рейзах») Ордена в Литву резко снизилось. В результате Тевтонскому Ордену пришлось прибегнуть к помощи наемников, которые обходились весьма недешево. Орденская казна, не рассчитанная на столь высокие расходы на оборону, очень скоро стала истощаться. Орденскому правительству пришлось вводить все новые и новые налоги и подати, от которых его подданные и вассалы, в том числе города, раньше были освобождены, что вызвало среди них недовольство и даже волнения. Вот к чему привели известие о крещении Литвы и вызванный им спад крестоносного энтузиазма!

Далеко не всякий европеец оказался на поверку безжалостным и одержимым лишь жаждой убийств и наживы «псом-рыцарем» (по выражению Карла Маркса), готовым рискнуть спасением своей души, подняв меч на вчерашнего литовского язычника, ныне ставшего его братом во Христе! А ведь до той поры вооруженное паломничество в Землю Пресвятой Девы Марии (Пруссию и Прибалтику) считалось не менее достойным и богоугодным делом, чем странствие в Святую Землю (Сирию и Палестину), а посвящение в рыцари на поле боя с прусскими «сарацинами» (именно так именовались язычники-прусы в одном из папских посланий Тевтонскому Ордену!) – ничуть не менее почетным, чем инвеститура у иерусалимского Гроба Господня!

Участвовать в «рейзах» тевтонских рыцарей почитали за честь и польские князья Конрад Мазовецкий и Святополк Поморский, и наследник английского престола принц Генри Дерби

(будущий король Генрих IV Ланкастерский), и чешский король Оттокар II Пшемисл (основатель очередного «оплота германской агрессии против славян» - Кенигсберга, давший новому городу в качестве герба свою корону и чешского льва!), и король Венгерский, и граф Голландский, и французский герцог де Бурбон и маршал Бусико, и граф Голштинский (все – участники только одного «паломничества» тевтонских рыцарей в Литву в 1344 году!). Да и какая «немецкая» (то есть национальная) экспансия могла исходить от Тевтонского Ордена – сообщества подчиненных исключительно римскому папе рыцарей-монахов («Божьих дворян» - по выражению средневековых русских летописцев!), не имевших ни имущества, ни семей, ни потомства, чьи прусские и прибалтийские владения не являлись частью даже того «германского» герцогства, о котором шла речь выше!

Правда, с должностью тевтонского Верховного магистра был неразрывно связан титул князя «Священной Римской Империи германской нации», но лишь в части тех орденских владений, которые в эту «империю» входили (а как раз прусские владения Ордена в нее не входили)! В то же время подчиненность Тевтонского Ордена римскому папе была совершенно однозначной, так что, в свете отнюдь не национальных, а наоборот, наднационально-универсалистских претензий папского престола Орден никак не мог являться орудием агрессии какой-либо «национальности» или «национального государства» - даже если бы «Священная Римская Империя» являлась таковым (а она таковым не являлась)!

Кроме подданных этой «империи» и наемников, сражавшихся за плату (упомянутых выше чехов, силезцев и моравян, гемузских арбалетчиков и английских лучников и пр.), в составе орденского войска под Танненбергом ратоборствовали венгерские, французские, английские, шотландские рыцари. Летописцы сохранили для нас имена особенно прославивших себя доблестью на поле брани «гостей» (союзников) Тевтонского Ордена Пресвятой Девы Марии – знатного нормандца сира Жана де Феррьера, сына сеньора де Вьевиля, пикардийца сеньора дю Буа д'Аннекена, венгерского графа-палатина Миклоша Гарая, трансильванского (семиградского) воеводы Стибора, приведшего под Танненберг 200 отборных воинов, и многих других.

Немалую часть «гостей» Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской составили рыцари-крестоносцы из различных германских земель – главным образом, Швабии, Фрисландии, Баварии и Вестфалии. Большинство крестоносцев, прибывших на помощь Ордену из австрийских земель, сражались не в составе «иностранный» хоругви Святого Георгия (противостоявшей в битве не полякам, в христианстве которых в Средней Западной Европе к описываемому времени никто не сомневался, а литовцам, вызывавшим в этом плане определенные сомнения - особенно с учетом присутствия в рядах ратей Витовта «сарацин» - татар и караимов!), а под красно-бело-красным знаменем своего земляка – Великого комтура Тевтонского Ордена брата Конрада фон Лихтенштейна – «правой руки» Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена.

Кстати, хоругвь Великого комтура, под которой бились австрийские рыцари, представляла собой точную копию красно-бело-красного австрийского знамени, история возникновения которого теснейшим образом связана с Крестовыми походами. Согласно старинной легенде, австрийский герцог Леопольд VII, участник III Крестового похода, после взятия штурмом мусульманской крепости Акры (Акконы) оказался настолько залит своей собственной и вражеской кровью, что его белое полукафтанье-сюрко, надетое поверх доспехов, стало красным от крови, за исключением белой полосы, образовавшейся в том месте, где полукафтанье было прикрыто поясом с ножнами меча. Так, по легенде, родилось красно-бело-красное австрийское знамя, расцветку которого по сей день сохранил государственный флаг современной Австрийской республики. Но это так, к слову...

Не следует также забывать о многочисленном контингенте «пруссских рыцарей» - вассалов, или ленников, Тевтонского Ордена, являвшихся по происхождению отнюдь не немцами, а потомками окрещенных и со временем ассимилировавшихся знатных пруссов - так называемых «больших (великих)свободных», наделенных Орденом земельными угодьями и обязанных за это являться в случае войны по призыву Магистра «людно, конно и оружно».

Орденская пехота состояла в основном из сельского ополчения так называемых «малых свободных» пруссов, сражавшихся в пешем строю, а также из контингентов епископов орденских владений и из отрядов, присланных купцами и бюргерами городов, расположенных на территории прусского «орденского государства». Из числа последних славой особо искусных бойцов пользовались данцигские моряки («шиффскиндер» - «дети кораблей»), не знавшие себе равных в искусстве владения боевым топором.

Но самым интересным – с точки зрения правдивости тезиса о «борьбе славян с немецкой агрессией»! (кстати, давно пора было оговориться, что в 1409-1410 гг. имела место только одна агрессия – вторжение объединенного польско-литовско-татарско-армянско-караимского войска на земли Тевтонского Ордена, сопровождавшееся обычными в таких случаях погромами, поджогами, грабежами, резней мирного населения и прочими «перегибами» - а никак не наоборот!) – обстоятельством представляется следующее.

В битве под Танненбергом на стороне Тевтонского Ордена участвовали во главе своих войск два знатнейших польских князя, находившихся в близком родстве с древнейшей польской династией Пястов – Казимир V Щецинский (происходивший по другой линии от знаменитого поморского князя Святополка, являвшегося первоначально союзником Ордена, а затем, в период «Великого восстания» пруссов в конце XIII в. переметнувшегося на сторону восставших, чтобы, в конце концов, все же вновь примириться с Орденом) и Конрад VII Олесницкий (по прозвищу «Белый»).

Именно щецинский князь прислал польскому королю Владиславу Ягелло своего герольда с двумя знаменитыми мечами, тем самым вызывая его и Витовта на бой от имени Верховного магистра, маршала, рыцарей и союзников Ордена Пресвятой Девы Марии! Присылкой вражеским вождям мечей князь Казимир хотел «придать им мужества, которого, по его мнению, у них обоих было мало»! Впрочем, существует и более прозаическая версия – орденское войско просто устало ждать наступления врага на солнцепеке, поскольку жаркое июльское солнце раскаляло боевые доспехи.

Во всяком случае, отказаться после столь дерзкого вызова своего же «соплеменника» (хотя какое отношение недавно крещеный литвин, в сущности, имел к древним польским Пястам!?) означало бы для свежее испеченного польского короля «потерю лица». Впрочем, его ответ был преисполнен глубочайшего христианского смирения (возможно, напускного, хотя – кто знает?):

«Мы никогда не просили помощи ни у кого, кроме Бога. И примем эти мечи от Его имени»... Оба польских «тевтона» сражались против «своих» же братьев-славян «аки львы», были взяты поляками в плен и пощажены, в рассуждении своего высокого происхождения, как Пясты по крови, и, надо думать, также в рассуждении высокой платежеспособности их родни (но - скорее всего – еще и потому, что их поведение, с точки зрения тогдашних понятий о воинской и рыцарской чести считалось совершенно нормальным!) О судьбе менее богатых и знатных «тевтонских славян» из дружин обоих Пястов история, впрочем, умалчивает.

В то же время, ливонский «филиал» Тевтонского Ордена, вопреки утверждениям польского летописца Яна Длугоша (считающегося у нас – хотя он не был современником событий и писал о них по прошествии более чем полувека! - почти таким же непрерываемым «источником истины», как известный роман Генрика Сенкевича «Крестоносцы», не говоря уже о снятом по этому роману одноименном двухсерийном блокбастере!), об участии в битве «ливонских рыцарей под собственной хоругвью», поступил совершенно «не патриотично» и, несмотря на слезные мольбы Верховного магистра о помощи, не прислал под Танненберг ни одного рыцаря, ни одного, даже самого завалящего кнехта, поскольку ландмейстер (провинциальный магистр) Тевтонского Ордена в Ливонии Конрад фон Фитингоф(ен) предусмотрительно заключил с Витовтом сепаратное перемирие, которое не пожелал нарушать! И не нарушил! Причем формально даже имел на это полное право.

Дело в том, что брат Ульрих фон Юнгинген вел войну с Ягайлой и Витовтом не в качестве Верховного магистра всего Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской в целом, а всего лишь в своем качестве магистра Ордена в Пруссии! Не случайно и польский летописец Ян Длугош в описании Грюнвальдской битвы, включенном в главный труд всей его жизни - Историю Польши - именуется Юнгингена исключительно магистром Пруссии (а не всего Тевтонского ордена). Не прислали ни одного воина в помощь своим прусским братьям по Тевтонскому Ордену и его комтурства, расположенные в Германии. Оттуда в качестве добровольцев прибыло – исключительно по долгу совести! – лишь некоторое количество рыцарей-мирян, в Ордене не состоявших.

Изо всех вышеприведенных фактов явствует, что в действительности воображаемая «война славян с немецкими агрессорами за национальную независимость» была обычной «файдой» - феодальной распрей, какими пестрит история Средневековья, хотя и принявшей немалые масштабы по размаху сил и средств, задействованных с обеих сторон - 51 «хоругвь» (до 3 000 рыцарей, столько же оруженосцев, около 6 000 пехотинцев и несколько бомбард, стрелявших каменными ядрами) в войске Верховного магистра; 91 «хоругвь» - в войске его противников.

Насколько малую роль в войнах Тевтонского Ордена с поляками и литвинами играл национальный фактор и насколько мало эти войны воспринимались их участниками и современниками как межнациональные конфликты, явствует, между прочим, из следующего общеизвестного факта. Один из пунктов Торуньского мира, завершившего эпоху военного противоборства между тевтонами и польско-литовским государством (причем на этом пункте особенно настаивала польская сторона!), заключался в том, что половину из рыцарей Тевтонского ордена после заключения мира должны были составлять представители польских шляхетских родов! Но это так, к слову...

Мы не будем касаться в данном сжатом очерке всех перипетий многократно описанной Танненбергской «битвы 35 народов». Обратим внимание только на одно интересное обстоятельство - войско вчерашних язычников Ягайлы и Витовта шло на войско Ордена Пресвятой Девы Марии под торжественное пение молитвы Ей же, Пречистой Деве: «Богородице Дево радуйся...». В этом было что-то роковое по силе своей неизбежности. И тут не помогли ни свинцовые и каменные ядра орденских бомбард, ни удар 15 хоругвей маршала Ордена Шварцбурга и фон Валленроде на левом фланге, с копьями наперевес, под градом татарских стрел, отскакивавших от рыцарских доспехов, разметавших конницу Джелал-эд-Дина и опрокинувших Литву под звуки служившего тевтонским рыцарям боевым кличем ликующего пасхального песнопения: «Христос воскрес после всех мучений...» (Christ ist erstanden von der Marter alle...)...

Преследуя бегущих литовцев, левое крыло тевтонов натолкнулось на упорное сопротивление трех русских хоругвей смоленского князя Симеона-Лингвена Ольгердовича (брата короля Владислава Ягелло), сломить которое Валленроде оказался не в состоянии. На выручку ему подоспел Великий комтур Лихтенштейн со своими австрийцами. Две смоленских хоругви были изрублены, но тут в дело вступили свежие польские резервные войска и в центре польского боевого порядка разгорелась жестокая сеча вокруг большого – красного, с белым одноглавым орлом - королевского знамени (Великой Краковской хоругви), несколько раз переходившего из рук в руки.

Долгое время стрелка весов колебалась, несмотря на численное превосходство поляков, и, возможно, тевтоны одержали бы верх в этой битве, если бы не измена в их собственных рядах (обстоятельство, упорно игнорируемое отечественными историками!). В оглушительном грохоте, лязге и шуме тогдашних сражений команды были практически не слышны и потому их заменяли сигналы, подаваемые значками и знаменами. Знаменосец рыцарей Кульмерланда, или Кульмской (Хелминской) земли – вассалов Тевтонского Ордена – Никкель фон Ренис, подал своим соратникам ложный знак к отступлению, чем вызвал большую сумятицу в рядах орденских войск. Заметив, что враги пришли в замешательство и показали спину, Витовт мгновенно среагировал и атаковал отступающих ленников Ордена.

Услышав всеобщий ликующий крик: «Литва возвращается!», приободрились и поляки. В отчаянной попытке переломить ход событий Верховный Магистр ввел в бой свой последний резерв – 16 отборных хоругвей (или, точнее, отряд под 16 знаменами), но вырвался далеко вперед, потерял в схватке шлем и был ранен в лицо и в грудь.

Версии относительно его гибели расходятся. По одной из этих версий, наиболее широко распространенной, конь Верховного магистра был ранен, а сам он выбит из седла и погиб под градом ударов разъяренных литовцев (один из которых якобы ранил его в шею или в рот – здесь версии расходятся! – рогатиной или метательным копьём-сулицей).

По другой версии, злополучный Ульрих фон Юнгинген был насмерть сражен польским рыцарем Добеславом (Добко), поразившим его копьём в затылок (то есть, напавшим на него сзади). По третьей, у магистра имелась возможность бежать с поля боя, но он якобы гордо заявил: «Не дай мне Бог оставить это поле, на котором погибло столько доблестных мужей!». В любом случае – глава тевтонов «крепко помер», говоря словами одного павловского гренадера о гибели своего государя...

Дело в том, что Гохмейстер тевтонов Ульрих фон Юнгинген, давно уже страдавший тяжелейшим глазным заболеванием – катарактой – на момент битвы при Танненберге почти полностью потерял зрение. Скорее всего, он сознательно искал гибели в бою, не желая окончить жизнь беспомощным слепцом.

Данное предположение подтверждается, в частности, судьбой другого доблестного рыцаря-вельможи – короля Богемского и Императора Священной Римской Империи Иоанна Люксембургского. Пораженный слепотой, последний отрекся от римской и богемской короны в

пользу своего сына Карла (знаменитого впоследствии чешского короля и римско-германского кайзера Карела IV), а сам простым рыцарем вступил в армию французского короля (Франция в то время вела с Англией Столетнюю войну) и погиб в битве при Пуатье в 1356 году, бросившись, очертя голову, в гущу английских войск, «не посрамив своей рыцарской чести и славного имени предков низким деянием и смертью бесславною не запятнав».

Впоследствии польский художник-баталист конца XIX в. Ян Матейко, автор монументального исторического полотна о Грюнвальдской битве, в угоду демократическим тенденциям своей эпохи и стремясь подчеркнуть народный характер войны поляков и литовцев против такого аристократического учреждения, как Тевтонский орден, искажил подлинный ход событий, изобразив гибель тевтонского Гохмейстера не от руки знатного польского рыцаря, а от рук представителей простонародья.

При этом художник символически снабдил одного из убийц Гохмейстера красным капюшоном и топором средневекового палача, а другого вооружил копией Святого Копья сотника Лонгина (подаренной римско-германским императором Фридрихом I Барбароссой своему вассалу - польскому князю Болеславу Храброму - и хранившейся с тех пор в Краковском замке), чтобы подчеркнуть, что Ульрих фон Юнгинген был не просто убит, а понес заслуженную кару, будучи казнен по приговору Божьего суда.

Версия о гибели надменного Гохмейстера тевтонов от рук простолюдинов до сих пор пользуется гораздо большим распространением, чем версия о его гибели от копья знатного рыцаря Добко.

Польский летописец Ян Длугош, считающийся главным авторитетом в данном вопросе, в своем повествовании о Грюнвальдской битве сообщает только, что на теле убитого магистра были найдены только две раны, из которых одна была нанесена в грудь (конкретно - в сосок), другая - в лоб.

В жестокой сече вместе со своим магистром сложили головы маршал Шварцбург, Великий комтур Лихтенштейн и все прочие верховные вельможи Ордена - «гроссгебитигеры (великие повелители)», за исключением Великого госпитальера тевтонов брата Вернера фон Теттингена, которому удалось бежать с поля битвы. Вместе с ними «испили единую смертную чашу» 203 орденских рыцаря, «а прочих – бесчисленное множество», как принято писать в подобных случаях.

Трое вельмож Тевтонского Ордена - Генрих Шаумбург, фогт (балы) орденской провинции Самбия, Юрген Маршалк – оруженосец Верховного магистра, и комтур (командор) Бранденбурга Марквард фон Зальцбах были взяты в плен и убиты уже после окончания битвы. Об убийстве Шаумбурга и Маршалка сообщается что его причиной послужило – якобы! - их дерзкое поведение. Что же касается комтура фон Зальцбаха, то Витовт при виде его, якобы, сказал по-немецки только: «Du bist hi Markward...» («Ты здесь, Марквард...»), после чего, вопреки возражениям короля Владислава, велел его обезглавить. Некоторые историки склонны объяснять случившееся тем, что в предшествовавший войне 1410-1411 гг. период «сердечной дружбы» Витовта с Орденом и вражды его с Ягайлой, Витовт снабжал Орден ценной информацией именно через Маркварда и потому стремился как можно быстрее избавиться от строптивного тевтона, как от нежелательного свидетеля своих прежних интриг против Ягайлы.

Общее число убитых (с обеих сторон) составило не менее 5 000. Всего лишь 1400 с небольшим рыцарям и кнехтам из состава разгромленного орденского войска (в том числе 77 стрелкам) удалось добраться до столицы Тевтонского Ордена – Мариенбурга-на-Ногате. Туда же по приказу короля Владислава были с почетом отправлены в специальной повозке тела Верховного магистра и его соратников, одетые в чистые белые саваны. 19 июля 1410 года они были погребены в часовне Святой Анны Мариенбургского орденского замка.

51 хоругвь тевтонских рыцарей, их вассалов, «гостей» и союзников, захваченная поляками, была перенесена в Краковский кафедральный собор, где эти трофеи можно было видеть еще в 1603 году; позднее хоругви бесследно исчезли в ходе смуты, охватившей Польшо-Литовское государство.

Что же касается судьбы вероломного кульмского рыцаря Никкеля фон Рениса, которого все орденские летописцы единогласно объявляют виновником поражения, то он и после танненбергского разгрома продолжал свои интриги против Ордена.

Дело в том, что именно Никкель фон Ренис (имевший герб, рассеченный в червленый и серебряный, с серебряным оленьим рогом на красном и с красным бычьим рогом на серебряном поле), вступив в

преступный сговор с четырьмя другими рыцарями из числа кульмских вассалов Тевтонского Ордена, еще в 1398 году, за 12 лет до Танненберга, основал тайный «Союз Ящериц(ы)» (Eidechsenbund), первоначально в целях борьбы с усилением все возрастающего влияния торговых городов в прусском орденском государстве.

Но со временем «рыцари Ящерицы», недовольные введением все новых налогов и податей, связанных с ростом расходов на оборону орденских владений, вследствие уменьшения числа добровольцев-паломников из Западной Европы, начали действовать и против власти Тевтонского Ордена, завязав тайные сношения с польским королем, от которого надеялись получить столь же большие привилегии и самостоятельность, как и те, которыми пользовалась польская и литовская шляхта.

После Танненберга кульмские рыцари - члены «Союза ящериц(ы)» - составили заговор против нового Верховного магистра Генриха фон Плауэна. Им удалось вовлечь в свои сети даже некоторых орденских рыцарей высокого ранга – например, комтура замка Реден. Однако среди заговорщиков оказались предатели, выдавшие их планы орденскому руководству. Заговор был разгромлен, а злокозненный Никель фон Ренис выслежен, схвачен и казнен по приговору орденского суда. На некоторое время катастрофу удалось отсрочить...

А победители при Танненберге – «братья-славяне» поляки и литовцы теперь могли беспрепятственно давить «своих» православных и опустошать Московскую Русь огнем и мечом так, как никаким тевтонам или меченосцам и не снилось. И невольно возникает вопрос: а почему, собственно, в православном массовом сознании столь прочно вкоренилось представление о «Крестовых походах» и «крестоносцах» вообще и рыцарях военно-монашеских Орденов – в частности, как о специфическом порождении католицизма, причем о таком порождении, которое заведомо трактуется как нечто неприглядное, враждебное «славянству» (о, как бы удивились ясновельможные паны Лисовский, Ружинский, Сапега, Хоткевич, Струсь, Иеремия Вишневецкий и прочие враги «восточных схизматиков», услышав подобные обвинения!), в особенности же - Руси и Православию и якобы «порочащее» латинский Запад?

Мы позволим себе привести ниже в этой связи несколько «вольных» цитат из статьи современного российского историсофа Р. Бычкова «Последний крестовый поход», опубликованную в газете «Царский опричник» № 4-5 (16-17) за 2000 г.:

«Достоподлинные православные христиане древних времен безо всяких колебаний знали, что всякий, именующий себя христианином, есть уже тем самым одновременно и крестоносец. Они знали, что крестоносный подвиг отнюдь не является монополией только чад Западной церкви (пример – походы Великого князя Киевского Владимира Мономаха или Андрея Боголюбского в XII в. на половцев или волжских болгар, когда княжеским ратям предшествовало православное духовенство с крестами, иконами и церковными хоругвями (как оно предшествовало и воинству православной Восточной Римской Империи – Византии – столетиями служившей щитом христианской Европы от враждебных Святому Кресту кочевых азиатских орд!)).

Но и отношение к католикам, взявшим ратный Крест Христов, отношение на православном Востоке в классическую эпоху религиозного мировоззрения разительно отличалось от нынешнего. Так, древнерусский летописец XII в. не усомнился признать немцев-католиков, ходивших в III Крестовый поход биться за освобождение Живоносного Гроба Господня, не «псами-рыцарями» (как Карл Маркс!), а «святыми мучениками, проливавшими кровь свою за Христа». В этой связи нам представляется не лишним полностью воспроизвести данный летописный фрагмент:

«В то же лето идее цесарь Немецкый (речь идет об Императоре Фридрихе I Барбароссе - В.А.) со всею своею землею битися за Гроб Господень, проявил бо башеть ему Господь ангелом, веля ему ити. И пришедшим им и бьющимся крепко с богостудными тыми агаряны. Богу же тако попустившу гнев Свои на весь мир... и преда место святыня Своея иноплемеником. Сии же немци яко мученици святы прольяха кровь свою за Христа со цесари своими. О сих бо Господь Бог наш знамения прояви, аще кто от них в брани от иноплеменьных убьени быша, и по трех днех телеса их невидимы из гроб ангелом Господним взята бывахуть. И прочии видяше се тосняхуться пострадати за Христа, о сих бо воля Господня да сбьсьеться, и причте я ко избранному Своему стаду в лик мученицкый». («Киевская летопись», ПСРЛ, т. 2, СПб., 1908).

Мало того! На Православной Руси, в Воскресенском соборе воздвигнутого во второй половине XVII в. Патриархом Московским и всея Руси Никоном Ново-Иерусалимского монастыря (являвшемся точной копией Храма Живоносного Святого Гроба Господня в «старом», палестинском

Иерусалиме), находятся, между прочим, символические гробницы католических правителей основанного западными крестоносцами в 1100 г. Иерусалимского королевства – «охранителя Святого Гроба» Готфрида Бульонского и его брата, первого короля Иерусалима Балдуина Булонского. А ведь XVII век традиционно считается веком достаточно большой «отгороженности» Московской Руси от «еретического» Запада!

Тем более полезно будет нам вчитаться в надгробные эпитафии этим двум крестоносным христианским государям – и увидеть, что идеалы крестоносцев были по-прежнему близки православному народу Святой Руси. Эти эпитафии были переведены на русский язык знаменитым келарем Троице-Сергиева монастыря – иеромонахом Арсением Сухановым, составившим так называемый «Проскинитарий» («Поклонник Святых мест»). Сей труд (содержащий подробное, с обмерами, описание храма Гроба Господня в Иерусалиме) послужил руководством при сооружении Воскресенского собора в Ново-Иерусалимском монастыре при патриархе Никоне.

Итак, вот описание Воскресенского собора:

«На плите справа от портала Предтеченской церкви читаем: на сем месте тамо гроб, о нем же пишет еще: Царь Болдвинов был второй Иуда Маккавеос, надежда и упование Отечеству, крепость церковная, красота Церкви и Отечеству. Его же вси боялись и вси дань давали: государь Египетский, мучитель Дамаску. Ох, увы мне. В том малом трилокутном гробе затворен есть». Слева от портала находилась плита со второй эпитафией. Вот ее текст: «Зде лежит славный Годафридус Булион, иже ту всю землю взял для веры, и душу его Бог покоит в мире. Аминь».

И вообще, для уразумения метафизики Крестовых походов имеет смысл сопоставить их с «обыкновенными» и всем нам хорошо знакомыми крестными ходами. Вот что писал о метафизике крестного хода святитель Митрополит Филарет Московский:

«Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идешь под предводительством Святых, которых иконы в нем шествуют, и приближаешься к Самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменует и призывает Святыню Небесную. Присутствие Креста Господня и святых икон и кропление освященною водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет темные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы и не делай ее бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соединяй с ним твою молитву, и если по отдалению не слышишь, призывай к себе Господа, Божию Матерь и Святых Его известным тебе образом молитвы... Не беда, если отстанешь телом, не отставай от Святыни духом».

Приложив эти слова московского Святителя к рассмотренным нами выше историческим примерам, мы не можем не прийти к выводу, что «обыденный» крестный ход представляет собой не что иное, как невооруженный Крестовый поход, тогда как Крестовый поход есть не что иное, как крестный ход с оружием. Это «паломничество» и в то же время Священная война – война духовная до такой степени, что ее буквально можно сравнить с пророчествами об очищении огнем, подобным огню чистилища, перед смертью. Как говорил Бернар Клервоский «бедным рыцарям Христа и Храма Соломонова»: «Великая слава выйти из битвы, увенчанным лаврами. И великая слава обрести на поле битвы венец бессмертия». Целью паломничества крестоносцев был Святой град Иерусалим в своем двойном аспекте как град земной и небесный, и крестовый поход рассматривался его участниками как восхождение, ведущее прямо к бессмертию и жизни вечной.

Здесь конец и Богу нашему слава!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Боевая песня братьев Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской.

Оригинальный немецкий текст этой тевтонской орденской песни-псалма, сочиненной в XIII веке, мы даем в том виде, в каком она вошла в так называемый «Глогауский песенник (нем.: Глогауэр Лидербух)», датированный 1480 годом:

Christ ist erstanden
Von der Marter alle.
Des solln wir alle froh sein,

Christ will unser Trost sein.
Kyrieleis.

Waer er nicht erstanden,
So waer die Welt vergangen,
Seit dass er erstanden ist,
So lobn wir den Vater Jesu Christ.
Kyrieleis.

Halleluja,
Halleluja,
Halleluja.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein -
Kyrieleis.

Перевод на русский язык:

Христос Воскресе
После всех мучений.
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением.
Кирие элейсон (греч.: Господи, помилуй)!

Если бы он не воскрес,
То мир бы перестал существовать.
С тех пор, как Он воскрес,
Мы хвалим Отца Иисуса Христа.
Кирие элейсон!

Аллилуия (Хвалите Бога),
Аллилуия,
Аллилуия!

Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением!
Кирие элейсон!

Из приведенного выше текста недвусмысленно явствует, что боевая песнь братьев Тевтонского ордена отличалась от нередко выдаваемого за таковую известного псалма «Те деум лаудамус» (Тебя Бога хвалим, Тебя Господа исповедуем...) и от пасхального песнопения «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Приложение 2

Описание гербовых хоругвей рыцарей Тевтонского (Немецкого) Ордена, их вассалов, «гостей» и союзников, захваченные поляками в битве под Танненбергом 15 июля 1410 г.:

1. Великая (Большая) хоругвь Верховного (а не «Великого»!) магистра (Гохмейстера) Тевтонского Ордена с тремя косицами (золотой, с черной каймой, костьльный «иерусалимский» крест с должностным гохмейстерским гербом, изображавшим одноглавого черного орла на золотом поле – символ достоинства князя Священной Римской Империи, неразрывно связанного с должностью Гохмейстера со времен Императора Фридриха II Гогенштауфена, - на белом поле украшал не только Большую и Малую хоругви, но также панцирь, щит и белое полукафтанье Верховного Магистра Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской). На некоторых миниатюрах и гравюрах изображение на Большой хоругви Гохмейстера повернуто «на 90 градусов».

Хоругви Тевтонского Ордена под Танненбергом.

Главная хоругвь Тевтонского Ордена Приснодевы Марии

2. Малая Хоругвь Верховного магистра (аналог. 1, но хоругвь без косиц).

3. Хоругвь Тевтонского Ордена («гербовое» - белое, с прямым черным крестом, знамя Ордена; первоначально это знамя было просто белым, безо всяких эмблем; имеются упоминания и о другом, Главном знамени Ордена с изображением Пресвятой Девы с Богомладенцем Иисусом на руках, но присутствие его на поле битвы под Танненбергом не засвидетельствовано хронистами).

4. Хоругвь князя Конрада VII «Белого» Олесницкого (одноглавый черный орел, обремененный серебряным полумесяцем, в золотом поле).

5. Хоругвь померанского (поморского) князя Казимира V Щецинского - знамя-гонфанон (прямоугольное полотнище с одной косицей) с изображением червленого грифона на серебряном поле – старинного герба поморских князей со времен Святополка).

6. Хоругвь Святого Георгия (знамя-гонфанон; его необычная расцветка – прямой серебряный крест на красном поле, вместо традиционного для «знамени Святого Георгия» красного креста на серебряном поле, объясняется тем, что в польско-литовском войске также имелась состоявшая из «гостей» хоругвь Святого Георгия, традиционной расцветки). В то же время известно, что военное знамя (баннер) Императоров средневековой Священной Римской Империи было также красным, с прямым серебряным крестом (поэтому их вассалы – например, датские короли, швейцарцы и др. – также использовали в качестве знамен и флагов серебряный крест на красном поле).

7. Хоругвь епископа и епископства Помезанского (золотой одноглавый орел в нимбе – символ св. Евангелиста Иоанна – с серебряным свитком в лапах и с двумя золотыми епископскими посохами по бокам, в червленом поле).

8,45. Хоругви комтурства Рагнитского и городка Рагнит (три красных колпака в столб, на серебряном поле).

9. Хоругвь епископа и епископства Самбийского, или Замландского (скрещенные красные меч острием вниз и епископский посох в серебряном поле).

10. Хоругвь епископа и епископства Эрмландского (Вармийского) – знамя-гонфанон с изображением серебряного агнца с обращенной назад головой в нимбе, с крестным знаменем, изливающего из кровоточащей язвы на груди кровь в серебряную чашу, в красном поле, на серебряной траве.

31. Хоругвь комтурства Шлохауского и городка Шлохау (Члухов) – аналог. 10.

11. Хоругвь Великого комтура Тевтонского Ордена Конрада фон Лихтенштейна (дважды пересеченная в червленый и серебро; ее красно-бело-красная расцветка аналогична расцветке австрийского флага, что объясняется двумя причинами: австрийским происхождением самого Великого комтура и тем, что в составе данной хоругви сражались его земляки – «гости» Тевтонского Ордена из австрийских земель).

12. Хоругвь города Кульм (Хелмно) – знамя-гонфанон с черной главой и опрокинутым черным латинским крестом в верхней части, дважды пересеченное волнообразными перевязями в серебро и червленый.

13. Хоругвь Великого казначея (скарбника) Тевтонского Ордена (должностной герб орденского казначея – серебряный ключ вправо бородкой вверх в красном поле).
14. Хоругвь комтурства Грауденцкого и городка Грауденц (обращенная прямо черная бычья голова с золотыми бровями и ноздрями, серебряными рогами и серебряным же кольцом в ноздрях, на белом поле).
15. Хоругвь комтурства Бальгского и городка Бальга (червлёный стоящий волк с высунутым языком на белом поле, с правым черным боковиком).
16. Хоругвь комтурства Шензеецкого и городка Шензее (две красные рыбы в кольцо на белом поле).
17. Хоругвь города Кенигсберга (знамя-гонфанон с изображением восстающего серебряного богемского, или чешского, льва в золотой короне на красном поле – в память об основателе города – чешском короле Оттокаре II Пшемысле; гербовое знамя Тевтонского Ордена – прямой черный крест на белом поле – в главе хоругви).
18. Хоругвь комтурства Альтгаузского (четвертованная в чернь и серебро – цвета Тевтонского Ордена; иными словами – четырехчастное черно-белое полотнище).
19. Хоругвь комтурства Тухельского и городка Тухель (Тухоль) – четырежды рассеченная в серебро и червлень.
20. Хоругвь комтурства Нессауского и городка Нессау (Нешава) – дважды рассеченная в чернь и серебро.
21. Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) из Вестфалии (две красные скрещенные оперенные стрелы остриями вверх на серебряном поле).
22. Хоругвь баллея (бальяжа) Роттенгаузенского и городка Роттенгаузен (три серебряные геральдические розы с золотой сердцевиной, в красную перевязь справа, на серебряном поле).
24. Хоругвь комтурства Энгельсбергского и городка Энгельсберг (серебряный ангел с черными волосами и лицом телесного цвета, в красном поле; типичный пример «говорящего герба» - название комтурства и городка означает, в переводе с немецкого, «ангельская гора», по имевшему там место видению ангела, явившегося орденским братьям-основателям).
23. Хоругвь комтурства Данцигского и города Данцига (два серебряных лапчатых креста в столб на красном поле – герб города Данцига, по-польски: Гданьска).
25. Хоругви комтурства Страсбургского и городка Страсбург (Бродницы) – красный бегущий олень в серебряном поле.
26. Хоругвь замка Братиан и городка Неймаркт (три коричневых оленьих рога в трикветру в серебряном поле).
27. Хоругвь города Бр(а)унсберг (пересеченная в серебро и чернь, с черным лапчатым крестом в серебряном и с серебряным лапчатым крестом - в черном поле).
28. Хоругвь немецких рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) из Франконии – скрещенные красная стрела и арбалетный болт оперением вниз, в серебряном поле.
29. Хоругвь швейцарских рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) – серебряный стоящий волк с высунутым языком, в червленом поле.
30. Хоругвь комтурства Лескенского и городка Лескен (дважды пересеченная в червлень, серебро и чернь; данный факт, кстати, опровергает широко распространенное по сей день заблуждение, будто «все средневековые флаги были двухцветными и положение изменилось лишь после Нидерландской революции, когда был впервые введен трехполосный трехцветный флаг»!).
32. Хоругвь городка Бартенштейн - знамя-гонфанон с изображением серебряного лезвия топора вправо в черном поле с серебряной главой.

33. Хоругвь комтурства Остеродского и городка Остероде - четвертованная в червленый и серебро.
34. Хоругвь прусских рыцарей-вассалов Ордена из Кульмской земли (Кульмерланда) – аналог. 12, но с черным прямым латинским крестом в верхней части и с тремя красными столбами в левом верхнем углу; именно этой хоругвью рыцарь-изменник Никкель фон Ренис из Кульмерланда подал своим соратникам ложный сигнал к отступлению, вызвавший замешательство, а затем – сумятицу и хаос во всем орденском войске.
- 35,42,43. Хоругви комтурства Эльбингского и города Эльбинг (Эльблонг) – пересеченные в серебро и червленый, с прямым красным крестом в серебряном и с прямым же серебряным крестом – в красном поле.
- 36, 38. Хоругви немецких рыцарей («гостей» Ордена) из Северной Германии - знамена-гонфаноны, серебряные, с черной перевязью справа.
37. Хоругвь комтурства Торнского (Торуньского) и городка Торн (Торунь) – знамя-гонфанон с изображением красного замка с тремя башенками с окнами черного цвета, с раскрытыми черными воротами с поднятой серебряной решеткой и растворенными золотыми створками, в серебряном поле.
39. Хоругвь городка Меве (Гнев) - скрещенные серебряные стрела и арбалетный болт оперением вниз в красном поле.
40. Хоругвь городка Гейлигенбейль (Свента Секирка) - аналог. 32, но лезвие топора несколько уже.
41. Хоругвь комтурства Бр(а)унсбергского (у хрониста Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью комтурства Брауншвейгского») – красный, с серебряными полосами, восстающий лев с золотой короной, в лазурном поле – герб Тюрингии, в память об основателе Брунсберга – ландграфа Конрада Тюрингского, Верховного Магистра Тевтонского Ордена в 1239-1240 гг.
44. Хоругвь городка Ортельсберг (Щитно) – скошенная справа в червленый и серебро.
46. Хоругвь города Книпгоф (нем.: Кнейпгоф, польск.: Книпава), со временем слившегося с Кенигсбергом -золотая чешская (богемская) королевская корона в серебряном поле и прямой серебряный крест в красном поле - что в сочетании опять-таки дает геральдические цвета Богемии-Чехии, как напоминание об основателе города – чешском короле-крестоносце Оттокаре II Пшемысле.
47. Хоругвь рыцарей-крестоносцев - «гостей» Ордена - из Рейнской области Германии -дважды пересеченная в золото, серебро и червленый; у Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью ливонских рыцарей», хотя братья-рыцари Тевтонского Ордена из Ливонии в битве при Танненберге не участвовали, поскольку их глава – ландмейстер Тевтонского Ордена в Ливонии Конрад фон Фитингоф(ен) – заключил сепаратный мир с Витовтом; к тому на хоругви ливонских рыцарей были изображены, с одной стороны – Небесная покровительница Ордена - Пресвятая Богородица с младенцем Иисусом на руках, а с другой – святой мученик Маврикий с орденским щитом и копьём святого Лонгина).
48. Хоругвь баллея (бальяжа) Дишауского и городка Дишау – четырехкратно рассеченная в чернь и серебро.
49. Хоругвь города Альт-Аленштейн (Старый Ольштын) – дважды пересеченная в чернь, серебро и червленый, цветов рода фон Паннвиц.
50. Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) из Мейсена (четвертованная в лазурь и червленый – геральдические цвета маркграфства Мейсенского).
51. Хоругвь комтурства Бранденбургского и городка Бранденбург - одноглавый червленый бранденбургский орел в серебряном поле – в память об основании маркграфом Бранденбурга одноименного замка на землях Тевтонского Ордена в ходе крестового похода).

О войске Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии

I. Боевое построение.

В полевых сражениях войско Тевтонского ордена обычно состояло из трех линий или эшелонов (по-немецки: «треффен»). Третью линию составлял резерв. Каждый «треффен» состоял из нескольких боевых отрядов (по-немецки: «шлахтгауфенов»), представлявших собой тактические подразделения. В свою очередь, каждый «шлахтгауфен» состоял из нескольких «знамен», или «хоругвей» (по-немецки: «баннеров»), а каждое «знамя» - из нескольких отрядов (по-немецки: «труппов» - просьба не путать с трупами, то есть, с мертвыми телами).

Острие передового «шлахтгауфена» тевтонского орденового войска составляли рыцари в тяжелых доспехах, построенные клином (по-немецки: «ди шпиц»). В зависимости от количества тяжеловооруженных конников, составлявших острие клина, сам клин был больше или меньше. Были возможны варианты, когда в первом ряду стояло трое рыцарей, во втором - пятеро, в третьем - семеро, в четвертом - девять и т.д. Чаще всего «клин» состоял в общей сложности из 50-80 рыцарей, в то время как основную часть «шлахтгауфена» составляло двигавшееся вслед за тяжеловооруженными рыцарями, построенное вытянутым четырехугольником, формирование конных рыцарей в облегченном вооружении и «услугающих братьев» («слуг», «сариантов»), представлявших, по сравнению с рыцарями, меньшую боевую ценность и обладавших меньшим боевым опытом.

За отрядом этой средней и легкой кавалерии в некоторых случаях выстраивалась орденовая пехота.

Конный рыцарский «клин» мог состоять либо из одного большого «баннера», либо из нескольких более мелких. Когда нам приходится читать о «клин», состоящем из нескольких «баннеров», то остается не ясным, где в таком случае располагались знамена и предводители этих мелких «баннеров», поскольку первый «баннер» клина считался знаменем всех «баннеров», входивших в этот клин. Прикрытие знаменосца составляли рыцари, вооруженные мечами, булавами и шестоперами. Иногда рыцари этой «знаменной группы» имели по два меча каждый. А вот копий им не полагалось (чтобы они, захваченные общим наступательным порывом, не атаковали неприятеля «по-рыцарски», с копьем наперевес, забыв о порученной им охране знамени).

Тактическая цель атаки в клинообразном строю заключалась в прорыве неприятельского строя, чтобы потом повернуть и рассечь и без того распадающееся неприятельское формирование на несколько частей. Вероятно, за рыцарями следовали легковооруженные отряды, занимавшиеся уничтожением противника, утратившего боевой порядок. Клинообразное построение использовалось тевтонами задолго до сыгравшей в истории Ордена Приснодевы Марии роковую роль битвы при Танненберге (15 июля 1410 года), в частности, в Прибалтике. В орденовых хрониках (в частности, у Генриха Латышского), упоминается боевой порядок под названием «шигкунге» (хотя ныне точно не известно, как он выглядел).

II. Походное построение.

На марше в голове орденового войска следовал конный авангард (нем.: «фортраб», «реннфане»), а замыкал колонну аррьергард (нем.: «нахгут»). Если войско передвигалось по неприятельской территории, оно шло в сомкнутом строю. При снятии с лагеря никто не должен был садиться на коня или надевать вооружение без приказа.

Каждый брат ордена Приснодевы Марии должен был оставаться в своей группе или «ротте», к которой он был приписан (Правила, 46). Без соответствующего приказа никому не разрешалось снимать доспехи, шлем, щит и оружие. В пункте XXIII Законов Верховного магистра тевтонов (Гохмейстера) Дитриха фон Альтенбурга (1335-1341) сказано, что все братья должны оставаться и передвигаться под знаменем (в составе «знамени» - В.А.), за исключением тех случаев, если предводитель их «баннера» или его помощник пошлют их куда-либо с поручением.

Пункт 5 закона V Верховного магистра Винриха фон Книпродде (1351-1382) гласил: «Брат, кой в походе (нем.: «рейзе») будет послан к знамени (зачислен в состав «знамени» - В.А.), не должен

удаляться от него без приказа». Слуги («кнехты») должны были в походе ехать вслед за братьями-рыцарями, каждый за своим господином. Если рыцари соединялись в отдельный отряд (нем. «шар»), то кнехты» должны были ехать перед или рядом с ними, держа в поводу боевых коней (в походе рыцари ехали на походных лошадях).

В опасных («внушающих страх») местах братьям ордена Приснодевы Марии не позволялось без приказа разнуздывать лошадей. Когда братья садились на боевых коней, им не позволялось поворачивать их без приказа.

В пору Средневековья среди рыцарей часто возникали споры и даже конфликты из-за права непременно первым атаковать неприятеля (первым войти с боевое соприкосновение с противником считалось делом чести, ради этого рыцари нередко ломали строй, приводя свое войско к поражению).

Поэтому Правила Тевтонского ордена строжайшим образом регламентировали все действия каждого члена ордена на марше и в бою, с целью недопущения подобных конфликтов между рыцарями и самовольных действий. Если бы братья самовольно, «ища себе чести и славы» (как говорится о дружинниках-курянах в «Слове о полку Игореве»), вырывались вперед, это могло бы привести к катастрофическим последствиям для орденского войска. Поэтому за подобные проступки предусматривалась суровая кара.

Никому из братьев не позволялось атаковать без приказа или до того, как переходил в атаку предводитель «баннера» (нем.: «баннерфюрер»). Братья Тевтонского ордена, которым было поручено прикрывать знамя, обязаны были находиться в его непосредственной близости. Потеря знамени (или самовольная подача им каких-либо сигналов) каралась смертной казнью.

Перед отдачей маршалом или предводителем «баннера» приказа атаковать оруженосцы (нем.: «кнаппен») собирались с вьючными лошадьми под знаменем, которое держал один из «братьев-сариантов» (сержантов), и молились за своих ушедших в бой хозяев, не принимая сами участия в сражении. Сами оруженосцы (возившие за «братьями-рыцарями», которым они служили, их щиты и копыя), имели на вооружение только кинжалы для самообороны и в бою участия не принимали.

В сомкнутом строю орденские бойцы оставались только до момента вхождения в боевое соприкосновение с противником. С началом схватки строй распадался на множество отдельных поединков. Тяжеловооруженные рыцари не могли атаковать с копьями наперевес в сомкнутом строю без интервалов, не имея свободы маневра и свободного пространства для разгона, необходимого для нанесения таранного удара. Они шли в атаку коротким или медленным галопом, почти что рысью. Обычно бой начинали конные арбалетчики, стоявшие на флангах и перед готовым к бою конным формированием ордена. Отстрелявшись, арбалетчики отступали в тыл конному формированию.

Тактическое боевое построение в соответствии с Уставом ордена тамплиеров, применявшееся Тевтонским орденом в ранний период его существования (в Святой Земле), отличалось от описанного выше «классического». В Святой Земле вооруженные «кнехты», державшие копыя своих рыцарей, стояли перед группой рыцарей, каждый перед своим господином. Невооруженные оруженосцы («кнаппен») с походными лошадьми находились в последней линии.

Как правило, тяжеловооруженные рыцари образовывали первую линию, а «сарианты», имевшие среднее вооружение - вторую.

Легкая конница (так называемые «туркопулы» или «туркополы»), набравшиеся из палестинских, сирийских и армянских христиан (а впоследствии - из осевших в Святой Земле потомков крестоносцев-«франков», «пулланов», но главным образом - из местных мусульман), стояла на флангах. Доказательством того, что туркополами в войсках крестоносцев служили преимущественно мусульмане, служит, в частности, следующее обстоятельство: после разгрома войска Иерусалимского королевства в битве при Хиттине (Хаттине) султан Египта и Сирии Саладин приказал своим воинам перебить всех взятых сарацинами в плен туркополов армии Иерусалимского королевства, как вероотступников. Но это так, к слову...

В Пруссии и Ливонии ситуация изменилась. Разделение орденского войска на отдельные отряды (крестоносцев из всех градов и весей Европы, ополчений орденских комтуров, ополчений

подчиненных ордену епископств и городов), выступавших каждый под собственным «баннером», делало фронт орденского войска более широким, за счет меньшей глубины построения.

Тактическое построение (в частности, в битве при Танненберге 15 июля 1410 г.) орденского войска состояло из большого числа конных арбалетчиков (спешивавшихся в бою) и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (строившихся «клином»).

Пешие воины использовались, главным образом, в орденском флоте, при обороне замков, крепостей и городов, сопровождении транспортных колонн и при охране обоза, оставленного конным войском, ушедшим жечь и грабить достояние прусских язычников.

III. «Копье», или «глефа».

Самое мелкое подразделение тяжелой орденской конницы именовалось «копьем» (по-немецки: «глеве», «глефе», «глефа», «ланце» или «шпис»). «Глефа» (само это слово означает копьевидное длиннодревковое оружие с плоским, клинкообразным наконечником) была не тактическим, а чисто организационным подразделением. В отличие от «копий» мирских (светских) рыцарских войск Западной Европы (которые могли насчитывать в своем составе до нескольких десятков человек, в зависимости от богатства возглавлявшего «копье» рыцаря-феодала), тевтонская «глефа» состояла из троих человек - из одного тяжеловооруженного конника и его оруженосца («кнаппе»), а также из одного конного арбалетчика. На этих троих человек приходилось в общей сложности четыре лошади. Каждый из трех конников «глефы» имел свою собственную походную лошадь, а тяжеловооруженный конник - еще и тяжелого боевого коня, которого в походе вел в поводу его оруженосец.

Тяжеловооруженный конный латник именовался «шписфюрером» или «глефнером». На марше доспехи рыцаря были навьючены на его боевого коня, в то время как оруженосец вез щит и копье «глефнера». Лишь в непосредственной близости от неприятеля «глефнер» в подходящем месте облачался в доспехи. Всякий рыцарь, желавший иметь собственного оруженосца, должен был при вступлении в Тевтонский орден внести в качестве «вклада» не менее четырех лошадей (во всяком случае, в германских владениях Тевтонского ордена). «Человеком чести» считался лишь тот, кто, кроме оруженосца (не имевшим собственного вооружения, кроме кинжала или ножа для самообороны), выставял хотя бы одного стрелка.

Контракты, заключавшиеся Тевтонским орденом с предводителями наемников (нем.: «зёльднеров»), предусматривали, что каждый «шпис» в составе наемного отряда также должен был включать в свой состав троих человек и четырех лошадей (например: «Сорок хорошо вооруженных рыцарей и оруженосцев и сорок стрелков» или: «сто глеф добрых рыцарей и кнехтов в полном вооружении...и к ним сто стрелков. Эти сто глеф должны иметь четыреста лошадей»).

Во время похода орденского войска Тевтонского ордена на остров Готланд, с целью очистить его от шаек морских разбойников-«витальеров» (1404), каждый вооруженный арбалетом брат-рыцарь получал, в качестве конюха, собственного «кнехта», а все прочие арбалетчики - лишь одного «кнехта-конюха» на двоих.

IV. Во что они были одеты.

1. «Братья-рыцари»:

«Братья-рыцари» Тевтонского ордена именовались в просторечии «белыми плащами», поскольку носили поверх одежды длинный белый плащ-мантию, или «господский плащ» (по-немецки: «герренмантель») без рукавов с черным орденским крестом (форма и размеры которого менялись с течением времени; размеры креста постепенно увеличивались) на левом плече («напротив сердца»). Под белым «господским» плащом братья-рыцари носили в мирное время длинный «конвентуальный» черный кафтан (нем.: «конвентрок»), а в военное время - надевавшееся поверх доспехов укороченное (доходившее до колен в XII-XIV и до середины бедер в XV-XVI вв.) белое полукафтанье (нем.: «вашенрок» или «ваффенрок», франц: «сюрко») с черным крестом на груди и спине (также принимавшем со временем все большие размеры). Это белое полукафтанье вошло в употребление в период пребывания тевтонских рыцарей в Святой Земле, чтобы жаркое палестинское солнце не так накаляло рыцарские кольчужные доспехи.

Кроме плаща, кафтана и полукафтания, в комплект обмундирования тевтонского «брата-рыцаря» входили:

- 1) две белые полотняные рубахи с длинными рукавами;
- 2) две пары белых полотняных подштанников (состоявшая из двух штанин и гульфика каждая);
- 3) две пары черных «штанов» (по две черных штанины и по гульфику в каждой паре);
- 4) черная куртка («якка») с длинными рукавами (надевавшаяся поверх исподней полотняной рубахи и носившаяся в военное время под доспехами);
- 5) белая дорожная ряса (лат.: «каппа», нем.: «рейземантель») с черным крестом на груди и спине, длинными рукавами и капюшоном, именованная также «дождевиком» (нем.: «рейнмантель»);
- 7) «зимнее» военное полукафтаны, подбитое черной овчиной или черным козьим мехом (нем.: «курсит»);
- 8) «зимний» вариант белого «господского» плаща (также подбитый овчиной или козьим мехом).

«Зимние» полукафтаны и плащи были введены после переноса деятельности Тевтонского ордена из Святой Земли в суровые условия Прибалтики.

Тевтонские военные полукафтаны XII-XIV вв., доходившие до колен, в своей верхней части (до пояса) плотно прилегли к доспехам, расширяясь ниже пояса наподобие юбки.

Укороченные военные полукафтаны XV-XVI вв. тесно прилегли к нагрудникам (сменившим к тому времени кольчатую броню).

Когда в моду вошли бригандины - толстые суконные стеганные куртки с металлическими пластинами, нашитыми не снаружи, а изнутри, они частично заменили собой белые полукафтаны, и черные тевтонские кресты сталишивать на белые бригандины.

С введением цельнокроеных («белых») лат полукафтаны вышли из употребления, и орденский крест начали изображать (а у Верховных магистров и высших должностных лиц ордена («гебитигеров» или «гроссгебитигеров») - чеканить прямо на панцирях.

Кожаные башмаки и поясные ремни членов Тевтонского ордена были коричневого цвета. Таким образом, соблюдалось уставное требование ограничиваться употреблением только «церковных» цветов: белого, серого, черного и коричневого. Членам ордена Приснодевы Марии запрещалось иметь какие-либо украшения на одежде, обуви, поясах, ножнах, древках копий, колчанах и шпорах. Запрещалось также украшать конскую сбрую. В то же время не сохранилось никаких упоминаний о наличии на копьях «братьев» Тевтонского ордена белых флажков-флюгеров с черными орденскими крестами (в то время как сохранились, к примеру, изображения рыцарей-тамплиеров с подобными копейными флажками).

В качестве головного убора тевтонские рыцари носили круглую шапочку-скуфейку белого цвета с плоским верхом (в Уставе им особо запрещалось ношение остроконечных головных уборов).

На основании сохранившихся изображений можно предположить, что в начальный период истории Тевтонского ордена его «братья-рыцари» носили «конвентуальные» кафтаны и шапочки серого цвета. Такие же серые круглые шапочки носили тевтонские «услуживающие братья» («сарианты») и «полубратья», о которых пойдет речь чуть ниже.

2. «Братья-сарианты»:

«Братья-сарианты» («услуживающие братья», лат.: «фратрес сервиентес», нем.: «сариантсбрюдер», «диненде брүдер» или просто «динер» - буквально: «слуги») именовались в просторечии «серыми плащами» (нем.: «граументлер»), поскольку вместо белого «господского» плаща «братьев-рыцарей» носили поверх одежды длинный плащ без рукавов серого цвета (нем.: «сариантсмантель»).

Под серым плащом тевтоны-«сарианты» носили в мирное время длинный серый

«конвентуальный» кафтан (нем.: «конвентсрок»), а в военное - серое полукафтанье-«ваффенрок» (становившееся, с течением времени, все короче, как и белое полукафтанье тевтонских «братьев-рыцарей»), надевавшееся поверх доспехов.

Комплект обмундирования «братьев-сариантов» был аналогичен упомянутому выше рыцарскому (вплоть до «зимних» вариантов одежды, подбитых овчиной или козьим мехом). Летом утепленные «зимние» плащи и полукафтаны сдавались на хранение ризничему-траппьеру, или драппьеру (нем.: *Trappier*) Ордена; взамен них выдавались «летние» варианты тех же элементов орденского облачения.

Говоря об орденском облачении «братьев-сариантов», нам представляется необходимым подчеркнуть следующее обстоятельство.

Существует широко распространенное (как за рубежом, так и у нас в России) и глубоко укоренившееся (но от того не менее ошибочное) представление, будто бы «братья-сарианты» Тевтонского ордена носили на своих серых плащах и военных полукафтанах (а согласно представлениям иных историков и особенно художников - даже на щитах, шлемах и конских пополах!) не «полный» (четырехконечный) черный орденский крест, а «половинный», «половинчатый» или «антониев» крест в форме буквы «Т» (по-гречески эта буква именуется «Тау», в связи с чем и означенный «полукрест» порой именуется «Тау-крестом»). Автор настоящего очерка должен покаяться в том, что и сам долгое время также разделял это ошибочное мнение.

В действительности тевтонские «братья-сарианты», подобно «братьям-рыцарям» и «братьям-священникам», вступавшие в Орден Пресвятой Девы Марии вместе со всем своим движимым и недвижимым имуществом, приносившим те же три монашеских обета нестяжания (бедности), послушания и целомудрия (безбрачия), являлись полноправными членами Ордена (хотя и не благородного происхождения (в отличие большинства - но не всех! - тевтонских «братьев рыцарей») и потому с полным на то правом носили на своих серых плащах и военных полукафтанах (а также щитах, выкрашенных не в серый, а в тот же самый белый цвет, что и у «братьев-рыцарей») отнюдь не «полукрест», а «полный» четырехконечный черный орденский крест. «Тау-крест» носили на одежде не «сарианты», а «полубратья» (лат.: «семифратеры») Тевтонского ордена, представлявшие собой совершенно иную категорию членов Ордена.

3. «Полубратья».

«Полубратьями» (лат.: «семифратрес», нем.: «гальббрюдер») именовались благочестивые христиане (римско-католической веры), вступавшие в Орден Приснодевы Марии вместе со всем своим имуществом и приносившие три вышеупомянутых монашеских обета, но не обязанные ордену военной службой, а посвящавшие себя хозяйственной деятельностью в орденских имениях и факториях (земледелию, скотоводству, торговле - например, янтарем, рыбой, зерном или скотом в прусских владениях ордена, и т.д.). Эти тевтонские «хозяйственники» носили одежду такого же серого цвета, что и «братья-сарианты», но иного покроя - кафтаны, более короткие, чем у «сариантов», и укороченные (до колен) серые плащи с рукавами и «половинным» черным «Тау-крестом» на левом плече. «Полубратья» призывались орденом к оружию лишь в самых крайних случаях - например, при внезапном нападении неприятеля на орденские владения, в которых трудились эти «полубратья», или в случае острой нехватки живой силы (например, после серьезного поражения орденского войска, понесшего тяжелые потери). В обычное же время «полубратья» были освобождены от военной службы и в орденском войске не числились.

V. Трубачи, горнисты и герольды.

Кроме сигналов, подаваемых знаменами-«баннерами», в орденском войске подавались также звуковые (акустические) сигналы. Хронисты ордена упоминают подачу сигналов трубными (роговыми) звуками, например, к снятию лагеря, к выступлению в поход и т.д. По состоянию на 1422 год в инвентарной описи Малой оружейной палаты Кенигсбергской комтурии ордена числился один боевой (или войсковой) горн, или рог (нем.: «геергорне»). Фанфары в описываемое время не упоминаются.

В Правилах (54) о должности «бирюча», или «глашатая» («аусруфера») сказано, что в военном стане он должен располагаться рядом с маршалом ордена, и выкрикивать («оглашать») приказы последнего, обязательные к выполнению для всех. В Правилах также неоднократно упоминаются «возгласы» (возглашения) глашатаев, поднимающих орденское войско по тревоге при приближении неприятеля.

В орденских расходных книгах нередко встречаются записи вроде:

«Итого за 12 марок куплено 3 «швейка» (так назывались лошади низкорослой прусской породы - В.А.) для 3 трубачей, сопровождавших нашего Верховного магистра в рейзе (походе)» (нем.: Item XII m. vor III sweyken den III pfyfern gekouft dy mit unserm homeyster in dy reise zoegen).

Музыканты играли особенно важную роль в поддержании боевого духа воинов ордена на марше и в лагере. Каждому орденскому воинскому контингенту было придано определенное число музыкантов. Трубачи (нем.: reiper, ruper, rurer, ririr, rpyfer, spillute) сопровождали также отряды военного ополчения подчиненных ордену городов (судя, например, по «Военной книге» города Эльбинга за 1383-1409 гг.). Контингенты съезжавшихся на подмогу Ордену европейских крестоносцев также имели в своем составе трубачей, а в некоторых случаях - также литаврщиков.

Трубач приехавшего в Пруссию для участия в крестовом походе француза Жана де Блуа был даже облачен своим богатым сеньором в рыцарские латы. Необходимо заметить, что нам точно не известно, на каких именно инструментах играли упоминающиеся в орденских хрониках «трубачи» (горнисты). Под «трубачами» могли подразумеваться не обязательно горнисты, но даже флейтисты или волынщики. В тевтонских «рейзах» знатных европейских крестоносцев участвовали также герольды и декламаторы (в качестве важных свидетелей, всегда готовых подтвердить и воспеть подвиги своих сеньоров). По некоторым данным, при дворе гохмейстера Тевтонского ордена в Мариенбурге-на-Ногате или в Кенигсберге имелся орденский герольд. Точных доказательств на этот счет не существует. Однако совершенно точно доказано существование, по крайней мере, в 1388 году, герольда Верховного Магистра. Звали этого герольда Барфоломей (Бартоломеус) Лютенберг.

Приложение 4

О провиантской службе Тевтонского ордена

Русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может.

Бальтазар Рюссов. Ливонская хроника.

Что русскому здорово, для немца - смерть.

Русская народная пословица.

Режим питания нарушать нельзя.

Николай Носов. Незнайка на Луне.

Не зря немецким воинам испокон веку приписывают поговорку: «Война войной, обед - обедом». В том, насколько большое внимание они во все времена придавали соблюдению правильного режима питания, можно убедиться на примере армии Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии.

В мирное время «гебитигер» (начальник) «орденского дома» (в этом случае «гебитигером» являлся комтур) или крепости-бурга (в этом случае «гебитигером» являлся кастеллан, или каштелян) и орденские «братья» вкушали пищу за одним столом в трапезной (ла.: «рефекториум», нем.: «ремтер»), храня во время еды полное молчание. Иногда назначался чтец (обычно из числа орденских «братьев-священников» - как правило, они были единственными грамотными среди членов Тевтонского ордена), читавший вслух священные или нравоучительные тексты (обычно

жития святых). После того, как «братья-священники» и «братья-рыцари», завершив трапезу, вставали из-за стола и, прочитав благодарственную молитву («Благодарим Тебя, Христе Боже наш, еже насытил нас земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия!»), за стол садились «услужующие братья» («братья-сарианты», «сариантсбрюдер», «диненде брюдер» или просто «динеры»), а вслед за «услужующими братьями» - слуги («кнехты»).

Пища «братьев» и слуг не отличалась большим разнообразием. В ежедневный рацион членов Тевтонского ордена непременно входили хлеб и каша (овсяная, пшенная или гречневая), а также серый и белый горох. В закромах орденских замков постоянно хранились большие запасы овса, проса, пшеницы и ржи. Поскольку орденские «братья» были не только монахами, но и воинами, им необходимо было высоко калорийное питание, в том числе масло, сыр, творог и, разумеется, мясо. Чаще всего они ели говядину и телятину, но не брезговали также и свиной. Подобно обычным католическим монахам описываемой (и не только описываемой) эпохи, тевтонские воины-монахи пили не только чистую воду, но и пиво, мед, плодово-ягодные вина, молоко, а со временем (по мере развития виноградарства) перешли и на местное прусское вино. В постные дни вместо мяса они ели рыбу, сыр и яйца.

В походе основными продуктами питания были хлеб и пиво. При этом проводилось четкое различие между «господским хлебом» (нем.: «герренброт»), который пекли для командного состава, «братьев-рыцарей» и «гостей» Ордена (знатных крестоносцев), с одной, и «хлебом для слуг» (нем.: «кнехтброт») более грубого помола, которым должны были довольствоваться воины «низкого звания». В походе «господа» пили, главным образом, вино, а слуги довольствовались пивом.

Провиант, который брали с собой крестоносцы и воины Тевтонского ордена, должен был не портиться на протяжении нескольких недель (столько обычно длились орденские «рейзы» в земли язычников), и потому состоял, главным образом, из сухарей, соленой, сушеной и вяленой рыбы, сала, копченого мяса, колбас, ветчины и солонины. По возможности брали с собой муку, чтобы печь из нее хлеб в походе.

Естественно, при захвате языческих селений все найденные там припасы и вся живность съедались подчистую.

В рацион участников военных «рейзов» Тевтонского ордена в Пруссии непременно входила и так называемая «круда» - смесь различных сладких сухофруктов, сдобренная пряностями, анисом и кориандром. Существовала даже специальная профессия «круденера» («круденера», «криденера») - кулинара-кондитера, специализировавшегося на изготовлении «круды» и одновременно торговавшего этим высококалорийным лакомством. Особенно славился своими «круденерами» подчиненный Тевтонскому ордену портовый город Данциг (по-польски: Гданьск).

В 1405 году для снабжения участников орденской «рейзы» в Литву свежим хлебом был зафрахтован целый корабль, превращенный в плавучую пекарню (нем.: «бакшифф»). Кроме того, участники орденских «рейзов», если представлялась такая возможность, брали с собой в поход живой скот (обычно быков) и домашнюю птицу с клетках, чтобы иметь возможность питаться свежим мясом хотя бы на начальном этапе военной экспедиции.

Провиант, предназначенный для транспортировки на вьючных лошадях, телегах или санях (в зимнее время), упаковывался преимущественно в бочки или в мешки. Шедшая в голове походной колонны провиантская команда доставляла на место очередного ночлега необходимую провизию («виктуалии») для воинов, а также овес и сено для лошадей еще до подхода основных сил орденского войска.

Воины ополчений, направленных в состав орденского войска подчиненными Тевтонскому ордену городами и сельскими общинами, а также светскими рыцарями - ленниками ордена -, обычно сами заботились о пропитании, транспортировке провианта и снаряжения. Участвовавшие в тевтонских «рейзах» знатные крестоносцы (в отличие от приученных к воздержанию в пище и питье членов Тевтонского ордена, привычных, будучи монахами, к соответствующему монашескому «ангельскому чину» аскетическому образу жизни) старались ни в чем себе не отказывать даже в суровых условиях прусского театра военных действий. Так, в 1363 г. для принимавшего участие в «рейзе» знатного французского сеньора Жана де Блуа был нанят специальный повар, искусный в печении пирогов с разнообразной начинкой и в приготовлении изысканных паштетов, а также зафрахтован отдельный корабль, на борту которого в садках со свежей водой везли живую рыбу.

Судя по этому описанию, французы, в отличие от непрехотливых в пище и питье «братьев» Тевтонского ордена (не говоря уже о русских воинах, довольствовавшихся, если верить западноевропейским путешественникам, горстью толокна в день), уже в XIV веке были не только героями, но и сибаритами.

Приложение 5

Цены на некоторые продовольственные и непродовольственные товары в прусских владениях Тевтонского ордена в период наивысшего расцвета тамошнего орденского государства (1340-1411 гг.):

Хорошая молочная корова: 18 скотов.
Поросенок: 1 скот.
Откормленная свинья: 24 скота.
Баран: 3 скота.
Бочка топленого масла: 60 скотов.
Фунт (500 г) свиного сала: 0,16 скотов.
Бочка с 300 головками сыра: 72 скота.
Очень хороший боевой конь: 360-432 скота.
Хороший боевой конь: 288-360 скотов.
«Швейка» (лошадь местной прусской породы): 72-192 скота.
Боевое знамя («баннер»): 144 скота.
Хороший арбалет: 24 скота.
Железная шляпа (шлем-шапель, «айзенгут»): 14 скотов.
Железная каска: 10 скотов.
Бочка с 300 головками сыра: 72 скота.
1000 кирпичей: 14 скотов.
Плуг с железным лемехом: 14 скотов.
1 локоть серого платьевого сукна для слуг: 1,5 скота.
1 локоть цветного платьевого сукна для слуг: 4 скота.
1 локоть сукна для «господской» одежды: 9-12 скотов.
Железный топор: 4,1 скота.
Фунт (500 г) воска: 1,2 скота.

Основной денежной единицей в прусских владениях Тевтонского ордена в описываемое время была марка. В одной марке содержалось 24 скота.

Период военно-политического и, соответственно, экономического процветания прусского орденского государства тевтонов (II половина XIV-I половина XV в.) характеризовался достаточно высоким уровнем оплаты труда. Наемный работник в орденских землях в среднем получал поденную плату, эквивалентную стоимости 26-34 килограммов ржи. Цены на дрова, мясо и молоко оставались достаточно низкими, а цены на импортные товары - наоборот, очень высокими. Священнослужители и воины, нанимавшиеся на службу к Тевтонскому ордену, получали очень высокое жалование (в отличие от членов ордена Пресвятой Девы Марии, получавших бесплатно еду, питье, крышу над головой и одежду - в обмен на свое переданное ордену движимое и недвижимое имущество).

Здесь конец и Господу нашему слава!